

Доктор Джеймс С. Шпигель, Христианская этика,

Сессия 9,

Эклектичные модели христианской этики

© 2024 Джим Шпигель и Тед Хильдебрандт

Это доктор Джеймс С. Шпигель в своем учении о христианской этике. Это сессия 9, Эклектичные модели христианской этики.

Итак, завершив наш обзор основных философских и теологических теорий христианской этики, вопрос в том, к какой из этих теорий мы должны присоединиться как христиане? Мое мнение, которое я бы рекомендовал, это своего рода эклектичный подход, который подтверждает прозрения многих из этих теорий.

Вот график, представляющий эклектичную модель, которую я рекомендую, которая подтверждает идеи, особенно утилитаризма, кантовской этики и этики добродетели. Как мы видим здесь, у нас есть три основных аспекта моральной теории или идей, которые мы получаем из определенных моральных и теоретических традиций, которые, как я считаю, должны быть подтверждены и признаны в любой христианской этике. Одна из этих проблем касается полезности и последствий, которые особенно касаются приятных или болезненных результатов действий, которые мы совершаем.

Долг, деонтологический компонент, рассмотрение таких вещей, как обязательство, справедливость и права, это необходимо, я бы сказал. Добродетель, которая относится к таким чертам характера, как мужество, щедрость, терпение, доброта и самообладание, — это то, что апостол Павел называет плодом духа. И мы видим в Писании повторные ссылки на все три этические области.

В прецедентном праве Ветхого Завета и в Новом Завете постоянно уделяется внимание последствиям наших действий. И даже если полезность этих действий, как сказал бы Бентам, явно не обсуждается, в Писании все равно много внимания уделяется последствиям наших действий и тому, как наше поведение влияет на других людей. Также много внимания уделяется деонтологическим вопросам, много правил и заповедей в Писании и много ссылок на права, справедливость и обязательства.

Так что это, безусловно, важный акцент в Писании. И снова, когда речь идет о добродетели, как в Ветхом Завете, так и в Новом Завете, много одобрения и увещания поступать добродетельно. Опять же, Павел использует метафору плода духа в Послании к Галатам.

Итак, все это важные аспекты полной христианской этики, потому что они также подчеркиваются в писании. Итак, мы также можем отметить, что все три аспекта полной моральной теории выполнены или представлены в жизни и характере Иисуса Христа. Итак, Иисус выполнил все три из этих областей.

Он был совершенно послушен закону. Все, что он делал, можно сказать, максимизировало добро и имело максимальную пользу для людей с точки зрения последствий его действий и его слов. И он в совершенстве проявил все добродетели, все плоды духа.

Итак, я бы утверждал, что любая моральная теория, которую мы могли бы или можем назвать христианской, должна включать в себя все эти элементы. Любая теория, которая фокусируется исключительно на одном из этих моральных соображений, по сути, является усеченной христианской этикой, неполной христианской этикой. Она также приглашает нас увидеть все прозрения этих основных моральных теорий, даже если они исходят от светских философов, как подлинные прозрения христианской истины.

Как это часто бывает, основные сторонники каждой из этих теорий были верующими в Бога. В случае Канта, например, и Джона Харриса, это также верно для Джона Стюарта Милля; они утверждали, что вы действительно не можете правильно заниматься этикой без Бога. Это, безусловно, было утверждением Канта, что есть три вещи, которые абсолютно необходимы для возможности морали: Бог, свобода и бессмертие.

Без Бога у нас нет судьи, и у нас нет никого, кто бы заставил нас отвечать перед моральным законом. Без бессмертия нет и возможности выжить, чтобы предстать перед судом и быть привлеченными к ответственности. А без свободы мораль невозможна, потому что если вы не свободны в какой-то значительной степени, вы не можете нести ответственность за свои действия.

В любом случае, для Канта Бог абсолютно необходим для возможности морали. И Аристотель также был своего рода теистом. Когда речь заходит об Аристотеле и его взгляде на причинность, особенно телеологические причины, можно утверждать, что его этика в конечном итоге зависит от Бога.

Итак, снова, вот моя графика, вот крест посередине, не предназначенный для того, чтобы выглядеть как кинжал, но он снова призван передать идею о том, что Христос выполнил все три эти сферы и воплощает всю моральную истину. Таков мой эклектичный анализ природы морального блага. Мы также можем поговорить об источниках этического знания, и я думаю, что эклектичный подход здесь также полезен.

В конечном счете, когда мы говорим об этике, мы говорим о моральной воле Бога, которая, как мы уже видели, когда говорили о проблеме Евтифрона, заключается в том, что природа Бога является определяющей для моральной истины. Итак, как Бог делает свою моральную истину известной нам? Как он сообщает нам, что такое моральная истина? Здесь, я думаю, мы можем подтвердить прозрения как этики естественного права, так и этики божественного приказа. Итак, Бог делает свою моральную волю известной нам через естественный закон, через первичные и вторичные предписания, которые мы можем считывать с природы и наших собственных тел, так сказать.

Но также он общается с нами через особое откровение, особенно в книгах Ветхого и Нового Заветов. Теперь я бы пошел дальше и сказал, что естественный закон, через естественные предписания Бога, которые он вплет в ткань природы, общается с нами в форме истин о полезности. Какие виды действий с большей вероятностью приведут к хорошим последствиям и также будут общаться с нами через чувство долга?

И что, как утверждают многие, утверждал Жан Кальвин, многие из тех, кто придерживается кальвинистской традиции, могут принимать форму своего рода естественного чувства или осознания Бога, которое он называет *sensus divinitatis*. Вид судебного чувства и совести, которые Бог дал нам, делает нас в целом осведомленными об основных обязанностях, обязанностях и обязательствах, которые у нас есть.

В-третьих, через область добродетели, черты характера, которыми мы склонны восхищаться, мы находим людей, которые щедры, добры и мужественны, более привлекательными, и наш вид естественного восхищения людьми, которые обладают этими добродетелями.

Я думаю, что это можно истолковать как своего рода внешнее проявление Богом своей моральной воли, известной нам через естественный закон. И затем, наконец, в терминах особого откровения и того, как моральная воля Бога сообщается нам в этой форме, я думаю, полезно отметить, что существует множество различных способов, которыми Бог сообщает нам моральную истину в Писании. Библейские тексты принимают различные формы.

У нас есть исторические работы, поэтические работы, апокалиптические работы и пророческие повествования в Священном Писании. Множество литературных форм мы находим среди библейских текстов. В повествованиях мы находим много ясного сообщения о том, какие виды поведения, как правило, производят какие виды результатов, хорошие и плохие, полезные и вредные, что согласуется с идеями о моральной полезности.

И затем у нас есть все эти заповеди в писании, опять же, которые соответствуют долгу и другим деонтологическим концепциям, таким как обязанность и права. Затем у нас есть различные портреты характера из писания. Изучая конкретных людей и их черты характера, мы можем значительно расширить и дополнить наше понимание добродетели.

Если мы изучим характер, скажем, Давида или Моисея или Илии, особенно Иисуса. С более темной стороны, у нас также есть всевозможные зловещие персонажи в писании, такие как Аман и Иуда Искарот, египетский фараон, который выступал против Моисея, Понтия Пилата и Ирода. И мы узнаем гораздо больше о пороках, изучая этих персонажей.

Итак, эти три измерения библейского откровения еще больше усиливают наше понимание полезности, долга и добродетели. Такова моя эклектичная модель христианской этики.

Это доктор Джеймс С. Шпигель в своем учении о христианской этике. Это сессия 9, Эклектичные модели христианской этики.